

Научная статья
УДК 351.741:1920-1930''
DOI 10.47438/2309-7078_2022_4_180

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ОБЛИКЕ СОВЕТСКОГО МИЛИЦИОНЕРА 1920-х гг.

Евгений Андреевич Зверков¹, Александр Викторович Перепелицын²

*Воронежский институт МВД России¹
Воронеж, Россия*

*Воронежский государственный педагогический университет²
Воронеж, Россия*

---

¹Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин,
ORCID ID: 0000-0002-1828-4457, тел.: (473) 200-53-05, e-mail: ZverkovPhD@yandex.ru
²Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России,
ORCID ID: 0000-0003-2050-4209, тел.: (473) 255-06-67, e-mail: avp64@mail.ru

---

Аннотация. Безопасность общества напрямую зависит от квалификации и мотивации к работе сотрудников правоохранительных органов. Для обеспечения эффективности сил правопорядка необходим целый ряд переменных: уровень материально-технической обеспеченности, поддержка со стороны государства, создание условий для возможности непосредственного выполнения сотрудниками своих профессиональных обязанностей. В государственной системе Советской России 1920-х гг. милиция заняла второстепенное значение. Тотальная экономия оказала влияние на технические возможности службы, ограниченное количество транспорта, недостаточное качество и количество оружия, формы. Нахождение на грани нищеты деморализовало сотрудников, что сказалось на запредельном уровне кадровой неустойчивости: наиболее способные милиционеры искали себя в других сферах, а наименее устойчивые – в криминале. Стремление власти преодолеть сложное положение увольнениями, возложением дополнительных обязанностей и ростом контрольно-регламентирующей документации не только не решало проблемы, но и подвело органы внутренних дел к катастрофе.

Ключевые слова: милиция, уголовный розыск, Воронеж, Курск, Тамбов, Центрально-Чернозёмная область.

Для цитирования: Зверков Е.А., Перепелицын А.В. К вопросу о социокультурном облике советского милиционера 1920-х гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 4. С. 180–188. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_4_180.

Введение

Царскую полицию разрушили не революции. Крест на правоохранительной системе поставила исключительная по своей глубине ненависть. Восприятие полиции как антинародной силы объясняет то равнодушие, с которой общество восприняло её уничтожение. Реинкарнация полицейского в образе милиционера не исправила примитивных взглядов. Проблема отчуждённости полиции и общества назрела ещё в дореволюционный период. Экономия государства на полиции не позволяла охватить огромные сельские массивы, брошенные на произвол обычного права. Как отмечает профессор М.Д. Карпачёв, «абсолютное большинство общинников... не обладало элементарными представлениями о законности» [22, с. 18]. Более того, стражники в своих рапортах отмечали, что «среди народа бытует мнение,

будто бы все, кого арестовывает полиция, являются жертвами правительственного произвола» [27, с. 21]. Работа полицейского не считалась престижной и не вызывала особого уважения.

В смене вектора развития правоохранительных сил, который выразился в замене полиции милицией сразу же после Февральской революции, виделась гарантия их деполитизации. Риск высокой временной продолжительности этого процесса, по-видимому, не учитывался, а сама «народная милиция» Временного правительства стала полигоном для испытания новых правоохранительных форм. Кадровая политика тем временем развалилась: стать милиционером мог кто угодно – было бы желание. Новые губернские власти, охваченные революционным угаром, и сами не понимали, как им следует поступить с милицией.

В конечном итоге, реагируя на политическую поведку, был запущен процесс тотальной замены кадров на солдат, рабочих, случайных людей.

В фокусе исследования в настоящей статье находятся общественные отношения в сфере правоохранительной деятельности, выражающиеся в степени адекватности применяемых государством мер социальной поддержки сотрудников милиции и уголовного розыска, а равным образом – выработанной техники обеспечения функциональности правоохранительной системы и её включённости в государственный механизм. Заявленный объект исследования детерминирует использование метода исторической антропологии (в рамках изучения повседневной жизни милиционера), сравнительно-исторического метода (позволяющего оценить уровень материально-технического и кадрового состава ведомства), историко-генетического метода (в целях объяснения генезиса общественного восприятия органов внутренних дел), метода системного анализа (что связано с необходимостью анализа состояния правоохранительных структур, в частности, изменения штатной и наличной численности, исходя из общесоюзных экономических и политических процессов). В основу работы были положены принципы историзма и научной объективности, подразумевающие отказ как от ведомственного патриотизма, так и от бесосновательной критики правоохранительных служб, использование всего массива выявленных исторических источников, имеющих непосредственное отношение к объекту исследования.

Результаты

Советская милиция получила непростое наследство. В первую очередь, отрицательное восприятие царской полиции было обусловлено её политизированным характером – необходимостью участия в противостоянии антимонархическим течениям. Не вызывало симпатий и повседневное взаимодействие с полицией – взятки, хамство и не самый высокий профессионализм вследствие экономии государства на содержании полицейских кадров, чьё жалование позволяло удовлетворять только необходимые потребности, провоцируя поборы и равнодушие к службе. Дешёвая полиция дорого обходилась государству.

С началом революции и Гражданской войны системный кризис только усугубился, в особенности, его кадровый аспект. Формальной задачей милиции после революции была охрана правопорядка, неформальной – защита революции. Отсюда и массовый приход в милицию молодёжи, в том числе студентов, пытавшихся таким образом ощутить свою сопричастность к свершавшимся событиям. Профессионалы заменялись дилетантами. Большинство милиционеров составили выходцы из рабочего класса. Многие из них симпатизировали леворадикальным партиям – эсерам (преимущественно левому крылу партии) или большевикам. Особенно это касалось «рабочей» милиции, выбиравшейся из числа рабочих для охраны собственных предприятий. Впрочем, до народной любви было далеко: недостаток профессионализма вёл к потерям среди личного состава и нервировал обывателей, требовавших видимой борьбы с преступностью.

Службы в милиции образца 1917–1918 гг. не чурались и бунтари средней руки. В 1917 г. среди милиционеров оказался даже А.С. Антонов. Он стал помощником начальника милиции в Тамбове, а спустя несколько месяцев – начальником уездной милиции в Кирсанове, и поначалу показал себя неплохим советским работником [3, с. 9].

Правоохранительная сфера встретила НЭП в ужасающем состоянии: нищенское финансирование, чудовищные некомплекты и без того скромных штатов, высокая текучесть личного состава, низкий профессиональный и культурный уровень, преступность в милицейской среде. Масло в огонь подливали государственные органы, на регулярной основе вмешавшиеся в профессиональную деятельность правоохранительных сил. Самым неприятным следствием вышеописанной ситуации было негативное отношение к деятельности милиции местного населения, которое не желало вникать в существующие трудности и требовало немедленного, видимого улучшения криминальной ситуации.

Первые послевоенные годы милиции приходилось довольствоваться имуществом, полученным от упразднённых уездных полицейских управлений, а также же тем, что удавалось реквизировать у бандитов. Активно использовалось оружие, массово оставшееся после Гражданской войны. К началу 1920-х гг. арсенал милиции включал в себя берданки, трёхлинейки, французские, австрийские и германские, японские винтовки, наганы и браунинги. На вооружении оставлялось отобранное у бандитов оружие, в том числе обрезы. Ружья зачастую крепили на плече не ремнём, а верёвкой. Обеспечить личный состав винтовками удалось к 1922 г., в то время как револьверы оставались редкостью. Катастрофически не хватало одежды и обуви. В равной степени это относилось к оперативным работникам, для которых гардероб – практическая повседневная необходимость.

Не секрет, что в начале 1920-х гг. обстановка в стране оставалась экстремальной: послевоенная разруха, эксперименты над страной и волны голода напрямую влияли на зашкаливающий уровень профессиональной и бытовой преступности. Силы ОГПУ реагировали только на выдающиеся преступления, поэтому милиционер оставался единственным реальным противовесом анархии. В связи с этим возникает вопрос – как жил и на что мог надеяться милиционер 1920-х гг.?

Один из наиболее острых вопросов того периода – высокая смертность сотрудников, особенно в период проведения операций по ликвидации банд и участия в кампаниях по подавлению крестьянских беспорядков. Управления милиции неоднократно ходатайствовали перед местными органами о выдаче семьям погибших единовременного пособия или пенсии, но наталкивалось на неповоротливость бюрократической машины: требовались многочисленные доказательства и основания на выдачу пособий, сроки рассмотрения затягивались, а сами выплаты оставались мизерными. Пенсии по выслуге лет также не существовало. Компенсации за переработки не выплачивались. Отпуска и выходные дни являлись редкостью.

стью (в 1924 г. «Воронежская коммуна» и вовсе писала, что в милиции нет ни отпусков, ни выходных) [29, с. 111].

В жилищно-бытовом аспекте милиционер постоянно балансировал на грани нищеты. Общежитий, даже скудных, не хватало, наблюдался постоянный дефицит дров. Треть милиционеров не имела сносного жилья, а в Воронеже многие жили на расстоянии 10–15 км от города, из-за чего ночевали на вокзалах или в ночлежках, имели крупные долги перед спекулянтами [29, с. 112]. В 1929 г. в курских общежитиях милиционеры спали по 2–3 человека на одной койке [29, с. 113].

Не уделив должного внимания уровню жизни сотрудников, государственно-партийные органы поспешили взвалить на милицию функцию, стоившую жизни царской полиции – участие в политической работе и подавление антиправительственных акций (от «антоновщины» до сопротивления коллективизации). Логично, что профессионализм уступил место политической лояльности. В свою очередь, местные власти обратили своё внимание на милицию после её сравнительной стабилизации и возрождения как силовой структуры, используя сотрудников для административных целей, но действуя по отношению к ним грубо и бесцеремонно. Милиционер был зависим от воли партийных чиновников, особенно после перевода милиции на местные бюджеты. Конфликтные ситуации, возникавшие время от времени, решались увольнением неудобных сотрудников. В октябре 1921 г. секретарь губкома С.П. Агеев прямо вменил укомпартам в обязанность осуществление фактического и политического контроля над милицией [7, л. 32]. При этом сама правоохранительная работа задвигалась низовыми партийными и советскими органами на второй и даже третий план.

Маниакальное давление на милицию партийных структур довершало картину плачевного состояния правоохранительной сферы. Само руководство милиции, являясь как бы побочным придатком к партийному аппарату, не имело ни авторитета в высших эшелонах власти, ни понимания направления, в котором должно двигаться ведомство. Нескончаемые реорганизации скорее мешали и досаждали, чем способствовали улучшению работы. Милиция воспринималась партией как второстепенная организация. Помощь личному составу ограничивалась лекциями о строительстве коммунизма. Округные и районные комитеты партии по своему усмотрению переводили милиционеров и агентов, вплоть до опытных начальников розыска, на партийную работу даже без согласования с их руководителями. Последние не противились – партийная работа была безопаснее, спокойнее, легче и при этом лучше оплачивалась [6, л. 96 об.].

А как же воспринимало милицию общество? Для сельского жителя фигура милиционера оставалась по-прежнему далекой. В середине десятилетия крестьянину для обращения к милиционеру приходилось проделывать путь в 10–15 вёрст. Младший милиционер обслуживал по 2–3 сельсовета, отстоящих друг от друга на расстоянии до 30 вёрст. Из Воронежской и Тамбовской губерний сообщали о невозможности розыском вести оперативную работу из-за малочисленности людей и высокой загруженности

бумагами. По словам тамбовчанина Батракова, в результате необдуманных сокращений штатов агенты уголовного розыска потеряли возможность оперативной работы и засели за бумажками в кабинетах [24, с. 80].

Дефицит реальной работы пытались компенсировать встречами и без того загруженных сотрудников с жителями деревень. Эффект выходил противоположным – крестьяне получили возможность открыто выражать милиции своё недовольство. Само ведомство не впечатляла идея отчётности перед населением – начальник воронежской милиции отмечал в 1926 г. по этому поводу: «мы не являемся агитпромом, а проводниками революционной законности, мы должны отчитываться перед сельсоветами и РИ-Ками» [18, л. 9 об.]. Проводимые встречи не давали желаемых результатов. Фигура милиционера по-прежнему вызывала раздражение. В 1926 г. начальник милиции г. Валуйки Мягков говорил, что крестьяне, недовольные властью, в пьяном виде задирают милиционеров как представителей власти [17, л. 45]. Недаром на заседании II Всероссийского съезда административных работников прозвучали жалобы, что административные органы не пользуются авторитетом ни со стороны общества, ни со стороны власти [4, с. 15].

Ущерб репутации милиционеров приносил привлечение их к подавлению антибольшевистских настроений как на завершающем этапе Гражданской войны, так и в период насильственной коллективизации (иногда выступая как приданные по отношению к ОГПУ силы). Милиционеры помогали бригадам по раскулачиванию, привлекались наравне с агентами розыска к поддержанию общественного порядка в ходе коллективизации. Данное направление особенно озлобляло, учитывая, что милиция кивала на свою перегруженность, когда ей пеняли на недостаточную борьбу с преступностью. В 1928–1929 гг. люди неоднократно выражали недовольство работой милиции, недостаточной активностью против карманников и конокрадов. Более того, начались нападения на милиционеров на политической почве.

Побоями и оскорблениями сопровождалось участие милиции в конфискации имущества раскулаченных или осуждённых за неуплату налогов. Дополнительный фактор риска, провоцировавший насилие в отношении милиции – выполнение столь деликатных миссий в одиночку.

Проблема штатной численности оставалась одной из самых напряжённых на протяжении всего рассматриваемого периода. В первый год советской власти большевикам удалось довести состав воронежской городской милиции до 930 человек – соотношение к численности населения достигло отметки примерно 1 к 100 [1, с. 17]. Для сравнения, на 2 июля 1919 г. Курская городская милиция насчитывала 75 человек, уездная – 274 [2, с. 148]. В уездах как Воронежской, так и Курской губерний пропорции были менее оптимистичными. В том же году численный состав Курской губернской милиции составлял 2 590 человек при численности населения губернии в 2710614 человек (1 на 1046). К концу 1920-х гг. диспропорция выросла почти в 2 раза.

К 1 октября 1921 г. личный состав Воронежской губмилиции насчитывал 2478 человек, из них 168 человек административно-хозяйственного состава (!) и 383 канцелярских служащих (!), что составляло почти 20 % [1, с. 20]. На всё Черноземье к началу 1922 г. несли службу 5 978 сотрудников – немногим более половины положенного штата. Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в поражённой восстанием под руководством А. Антонова Тамбовской губернии, где служили всего 1 284 человека. Из них всего 952 человека отработали более полугода [30, с. 200]. Бывших офицеров армии или полиции можно было сосчитать по пальцам.

Ухудшение условий труда и так называемые «чистки» привели к заметному сокращению численности личного состава милиции. В 1922 г. она составила почти половину и составила 1 567 сотрудников [5, л. 46]. Черноземье не было одиноко в этом вопросе: по данным Президиума ВЦИК, к 1922 г. численность милиции и уголовного розыска РСФСР насчитывала всего 110 000 человек [28, с. 14]. Многие из оставшихся плохо знали службу – и по причине неграмотности, и по причине высочайшей текучки – в первой половине десятилетия за год едва ли не полностью обновлялся весь штат губернской милиции [20, с. 5]. Уровень некомплекта менялся год от года, но редко доходил по приемлемых 10–15 %. К слову, в 1926 г. штат воронежского розыска составлял всего 11 человек при 4 лошадях [18, л. 21]. В 1928 г. на одного милиционера в ЦЧО приходилось до 6000 человек обслуживаемого населения при средней по РСФСР численности в 4900 человек. Не хватало лошадей и фуража. Милиционеры были вынуждены кормить лошадей за счёт «незаконных источников» [6, л. 96 об.].

Пожалуй, никогда в отечественной истории служба в правоохранительных органах не оценивалась так низко. Милиция стала перевалочным пунктом – местом, где переживали трудные времена в ожидании лучшей работы. За 1925 г. её состав обновился на 110 %. По признанию руководства губернской милиции, приходили работать прежде всего те, кому просто некуда было деться: труд был тяжёлым, а заработная плата – низкой. Невзирая на нищую материальную базу, руководство пичкало милиционеров воспитательными мероприятиями и нескончаемыми указаниями, требуя немедленных видимых результатов. В ответ сотрудники увольнялись. За одно только полугодие 1926 г. по чернозёмным губерниям уволились 40 % сотрудников [6, л. 96]. В том же году милицееское руководство Воронежа прямо говорило о нервирующем потоке указаний, приказов и циркуляров [18, л. 5].

Безусловно, власти стремились к повышению качества правоохранительной работы и совершенно верно видели её зависимость от кадрового подбора. Однако методы кадровой работы оставались примитивными – путём устрашения и увольнений, или «чисток». В результате одной только «чистки» 1921–1922 гг. в Воронежской губернии было уволено до половины сотрудников, 8 % отданы под суд [1, с. 20].

Над милицией неизменно нависала фигура партийного надзирателя. Несмотря на кадровую катастрофу, государственно-партийные органы настаивали на «чистках» и осуществляли их регулярно, добиваясь не только служебной дисциплины, но и лояльности партии. Шутка ли – в 1922 г. только 9 % милиционеров имели партийный билет [1, с. 22]. Сотни милиционеров увольнялись не только по причине профессиональной непригодности, но и по мотивам классовой «чуждости».

Милиция подвергалась постоянной критике со стороны общества и партии, борющейся с объективными недостатками милицеейской системы посредством малопродуманных лобовых атак – с помощью увольнений, невзирая на массовый уход людей по собственному желанию. Президиум губкома в 1922 г. и сам отмечал «большое тяготение среди сотрудников Губмилиции и Губзрозыска к уходу со службы» [9, л. 25 об.].

Крупная волна «чисток» пришлась на начало коллективизации и ускоренной модернизации. На помощь партии в очередной раз пришла пресса. Выполняя политический заказ, она оправдывала повальные увольнения, направленные на лихорадочный поиск классовых врагов. Сотни работников милиции и уголовного розыска были уволены не только по дисциплинарным, но и политическим мотивам. «Коммуна» уверяла: враг ещё остался, поэтому «ближайшая и главная задача – в повседневной работе анализировать наши органы и вырывать с корнем остатки белогвардейщины, жандармерии, бюрократизма, пьянства» [25, с. 3]. В ходе «чисток» милиция обязывалась делать доклады на заседаниях сельсоветов и сельских сходов. Доклады освещались в печати [11, л. 1]. Несколько изменялась процедура приёма на службу: испытательные сроки, общественное обсуждение кандидатов с опубликованием списков в печати.

Впрочем, все мероприятия касались по большей части формальной коммунизации милиции без действительных мер по улучшению качества жизни милиционера [11, л. 2]. Секретарь обкома Центрально-Чернозёмной области И. Варейкис, выступая 26 января 1930 г. на VII пленуме обкома ВКП (б) ЦЧО, требовал продолжить «чистки» – в частности, перебрасывая милиционеров из одного населённого пункта в другой для обрывания всех связей [19, л. 14].

Большую часть милиционеров изучаемой эпохи составляли выходцы из крестьян и рабочих. К 1928 г. 64 % работников были крестьянами, 11,1 % бывшими рабочими, 24 % служащими [31, с. 140]. Крестьянская среда выталкивала в милицию малограмотных людей. На начало десятилетия до половины личного состава Воронежской губернской милиции либо вовсе не знали грамоты, либо были знакомы с самыми её азами [12, л. 1]. Стремительная перековка милиции под крестьян дала о себе знать притоком людей, не подготовленных к несению службы, прежде всего по причине отсутствия должного количества грамотных сотрудников.

Возможности самообразования также были ограничены: волостные бюджеты, на которые была с

1923 г. возложена обязанность по содержанию местной милиции, не имели денег на покупку юридической литературы [21, с. 85]. Занятия по овладению грамотностью оставались эпизодическими и не влияли на общее положение дел.

Школы НКВД не пользовались популярностью потенциальных курсантов из-за низкой зарплаты, выплачиваемой на время обучения, что особенно сильно сказывалось на бюджете семейных милиционеров, так как оклад курсанта был ниже их ставки на основной работе [23, с. 28]. Не менее плачевным оставалось положение педагогического состава школ. Совнарком в заседании от 26 июля 1929 г. установил с 1929/1930 бюджетного года за счёт местных средств организовать выдачу пособий семьям курсантов, находящихся в школах НКВД, в размере 50 % получаемого ими оклада. Для правоохранительных органов школы НКВД были не возможностью, а досадной обязанностью, отчего в них отправляли тех, «от кого хотели отделаться» [18, л. 17].

Равным образом оборвалась преемственность поколений. К 1922 г. в УГРО не осталось кадровых офицеров, офицеры запаса были представлены в штучном количестве. На всём Черноземье удалось сохранить 110 бывших работников уголовного сыска. С большей охотой в милицию принимали бывших военных – офицеров, унтер-офицеров, фельдфебелей. На декабрь 1923 г. из 1 442 сотрудников курской милиции лишь трое ранее служили в царской полиции.

К удивлению партийных вождей милиционеры оказывались глухи к политической работе и не торопились осознать стоящих перед ними государственных задач. В июле 1922 г. помощник начальника Воронежской губмилиции по политической части жаловался на невозможность постановки политической и просветительской работы в силу урезания до минимума штата милиции, отсутствия средств, нищеты милиции, хаотичного перемещения милиционеров уколами. Малочисленные волостные милиционеры не успевали даже фиксировать происходящие преступления [13, л. 1]. Заваленные работой, сотрудники, принудительно согнанные на политзанятия, «представляют из себя какую-то вялую, безразличную, апатичную массу, принять же каких-либо по отношению к этому репрессивных мер – бесполезно» [13, л. 4]. Топталась на месте программа ликвидации неграмотности милиционеров. В ряде уездов она не велась по причине нехватки денег, помещений и педагогов, а равно в связи с перегруженностью сотрудников [13, л. 5]. К концу десятилетия на одного агента розыска приходилось до 90 тысяч человек при нехватке средств передвижения.

Руководящий состав милиции подбирался из мужчин преимущественно от 30 до 40 лет. Предпочтение отдавалось участникам Гражданской войны и бывшим рабочим. Милицейское руководство постоянно перетряхивалось, перебрасывалось из уезда в уезд и едва ли успевало в полной мере разобраться в текущей оперативной обстановке. Лишь немногим удавалось задержаться на своём месте более 2–3 лет. Перестановки осуществлялись преимущественно на равнозначные должности, реже – с целью повыше-

ния. В первые годы советской власти недолго задерживались на своих местах и руководители губернской милиции, менявшиеся едва ли не ежегодно. К примеру, в 1921 г. в РСФСР в 54 губернских, областных и республиканских управлениях милиции сменились 125 начальников, в 419 уездах – 1 197 начальников [31, с. 147]. На уровень образования внимания не обращалось. Опыт работы в милиции отсчитывался, как правило, с периода революции или Гражданской войны. К слову, 31-летний Яков Плаксин, заступивший в 1922 г. на должность начальника воронежской губернской милиции, проработал всего 3 года, преимущественно на руководящих должностях [8, л. 127].

Не будет преувеличением сказать, что милиция находилась в бедственном материальном положении. Ещё осенью 1918 г. на Орловском губернском съезде Советов один из выступающих попросил «обратить самое серьёзное внимание на милицию», так как «им есть нечего», а условия жизни милиционеров «нечеловеческие» [2, с. 24]. Не только в Орле, но и во всём Черноземье милиционеры питались чем придётся и одевались во что смогут. Спустя 3 года теми же эпитетами оперировал в своём обращении к секретарю Воронежского губкома Я.Б. Быкину заведующий губернским отделом управления НКВД И. Шевелев, считая положение милиционеров «катастрофическим» и «тяжёлым», а условия работы «невыносимыми». Нищенское жалование вплоть до 1923 г. выплачивалось несвоевременно. В условиях безысходности одни бросались во взятки, другие сливались с местной властью, организуя преступные сообщества, а третьи смотрели на жизнь и службу равнодушными глазами. Сытое соседство партийных работников раздражало и провоцировало склоки.

Проблемы милиции представляли собой благодатную почву для разного рода надзорных органов, использовавших отчаявшихся людей как способ выслужиться. Чекисты и прокуратура старались отличиться, выискивая в милиции нарушения, недостатки и преступления, подвергая виновных самым жестким взысканиям. За самое незначительное нарушение милиционер мог оказаться в одной камере с уголовниками, что в лучшем случае стоило здоровья.

Губернский отдел управления НКВД отмечал в 1922 г., что милиционеры, «терроризированные и даже озлобленные», работают неохотно и при первой же возможности оставляют службу [10, л. 3 об.]. В декабре 1922 г. на Воронежском губернском съезде XI созыва отмечалось «чрезвычайно скудное материальное положение как милиции в целом, так и сотрудников ее в частности», которое «ставит милиционера в невероятно тяжелые условия и создает среди милицейской массы тенденцию массового ухода со службы» [1, с. 25]. В связи со снятием милиции с государственного снабжения и переходом на местный бюджет с ноября 1922 г. положение «становится почти катастрофическое» [9, л. 26 об.]. О той же проблеме говорили и в Тамбове [3, с. 38]. Перевод милиции на местный бюджет привёл к нескольким неожиданным последствиям – в зависимости от возможностей и желания уездных властей стали отличаться ставки оплаты труда для одинаковых должностей в

разных местностях. Наметился разрыв в ставках заработной платы милиционеров и других государственных служащих и рабочих [31, с. 114].

Скудное жалование и разница ставок коснулось всех без исключения милиционеров страны. Для сравнения, в 1925 г. младший милиционер Воронежа получал жалование в 26 рублей, Ярославля – 20 рублей, Самары – 17 руб. 60 коп. А вот волостные милиционеры Воронежской губернии получали значительно меньше своих коллег – 16 рублей против 37 в Ярославской губернии и 25 в Самарской [26, с. 35]. Очевидно, это зависело от возможностей местных бюджетов. Здесь перед нами возникает вопрос – если перевод на местный бюджет усугублял положение правоохранительной системы, зачем его осуществляли? Ответ до неприятного прост: компартия искала пути удешевления правоохранительных органов, проводя многочисленные эксперименты, связанные с переносом содержания милиции с государственного бюджета на местный и обратно. Так, с октября 1917 по январь 1918 г. обязанность по содержанию милиции лежала на местных органах власти как оазисах новой государственности в губерниях. В 1918 г. частично привлекались средства из государственного бюджета. В 1919–1923 гг. милиция полностью финансировалась общегосударственным бюджетом, после чего начинается этап системного кризиса правоохранительной системы, связанный с очередной попыткой её удешевления и переводом на местный бюджет вплоть до 1931 г. [32, с. 11].

В условиях Гражданской войны все скудные экономические ресурсы шли на содержание армии, а с переводом милиции на местный бюджет ситуация стала близка к патовой. О трудностях с финансированием милиции говорили власти Воронежской, Курской, Тамбовской губерний. Ответом на оптимизацию содержания милиции стала оптимизация местными властями штатной численности. Начальник Воронежского УГРО Тимашев бессильно разводил руками, отмечая нарушение структуры управления, произвол и «кустарщину» в работе милиции [17, л. 2], а секретарь губкома Я.Б. Быкин в письме в ЦК ВКП (б) отдельно отметил влияние нищеты на разложение милиции [15, л. 48].

Большинство уездов, задавленные непомерными налогами из Москвы, едва сводили концы с концами и не могли содержать милицию, даже несмотря на постоянную угрозу бандитских налётов. Экономическая автономия уездов нарушила циркуляцию средств, сделала милицию ряда уездов попросту беспомощной. В ход пошла форма кустарного производства. В Новохопёрском и ряде других уездов милиционеры ходили в непригодной для ношения форме. Милиционер стал напоминать скорее нищего на паперти, чем грозного блюстителя порядка. Некоторые

уезды перевели правоохранителей на «коммерческую основу», своевременность и уровень оплаты труда были поставлены в прямую зависимость от объёма собранных с населения штрафов [17, л. 3 об.].

Со временем были значительно урезаны расходы на командировки, фураж, покупку и содержание лошадей (отчего напрямую зависела своевременность прибытия на место преступления), закупку оружия и патронов. Низкая материальная обеспеченность и высокая заболеваемость (особенно в зимний период из-за нехватки тёплых вещей) были характерны для всего послевоенного десятилетия. Более опытные работники розыска уходили на поиски лучшей жизни. Вновь пришедшим не у кого было научиться реальной работе. На XIII Воронежской губернской партийной конференции в 1923 г. была отмечена необходимость поднять содержание «милиции и других карательных органов», так как там «царит зло» [14, л. 50]. Спустя год секретарь губкома отметил, что зарплата милиционеров, находящихся на местных средствах, оставалась «мизерной» [16, л. 23].

Заключение

Таким образом, повседневная жизнь милиционера рассматриваемого периода отличалась исключительными сложностями. Органы внутренних дел оказались пасынком в собственном Отечестве. Неудивительно, что две трети сотрудников страдали различными заболеваниями, в том числе неврастенией [6, л. 99]. К концу десятилетия так и не удалось решить проблемы укрепления финансового аппарата, в то время как обязанности милиционера неуклонно росли. Милиция испытывала проблемы не только с оплатой труда своим сотрудникам, но и с тем, чтобы создать им условия работы – одеть, обуять, вооружить, дать средства передвижения. Работа велась исключительно за счёт энтузиазма и смелости сотрудников, пытавшихся выполнять свою работу в непригодных для того условиях. Милиционеры чувствовали свою ненужность – постоянно нуждающиеся, одетые во что придётся. Наиболее нужные и опытные специалисты оставляли службу. Новые сотрудники относились к работе равнодушно, считали её временным состоянием – до устройства на нормальное, постоянное место. Службой не дорожили. Это отражалось и в дисциплине, и в мелких правонарушениях. Милиция и уголовный розыск, находившиеся в полной зависимости от государственно-партийных органов и воспринимаемые обществом как карательный орган, переживали самые трудные страницы в своей истории.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Алексанян Н.А. Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917–1922) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61). Ч. II.
2. Алексеев В., Комаров А. Гражданская война в ЦЧО : Документы и материалы. Т. 1: 1918–1919. Воронеж, 1931.
3. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. 800 с.

4. Власов В. Организационное построение местных административных органов // Административный вестник. 1929. № 6-7.
5. Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 310.
6. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 126.
7. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 345.
8. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451.
9. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 452.
10. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 462.
11. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 507.
12. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 565.
13. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 610.
14. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 681.
15. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 706.
16. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 908.
17. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153.
18. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576.
19. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 747.
20. Зайцев П. Новый курс в административной работе и материальная база // Административный вестник. 1925. № 7.
21. Знаменский Е.В. Учеба милиции в Тамбовской губернии // Административный вестник. 1925. № 11.
22. Карпачёв М.Д. Правосознание крестьян Воронежской губернии накануне столыпинских аграрных реформ // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2012. № 1.
23. Киселёв И.Ф. Вопросы подготовки на совещании начальников адм.отделов крайобл.исполкомов. Структура в городах // Административный вестник. 1929. № 6-7.
24. О штатах Милиции и Уголрозыска // Административный вестник. 1925. № 11.
25. Мазуров А. Чистка милиции и розыска // Коммуна. 1929. № 101 (2840). 3 мая.
26. Макеев М.К. Об улучшении условий работы административного аппарата // Административный вестник. 1925. № 12.
27. Перегудов А.В. Уездная полицейская стража Воронежской губернии, формирование и взаимодействие с жандармским управлением // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1.
28. Постановления и распоряжения Всероссийского Центрального исполнительного комитета IX созыва и его Президиума. Сборник № 2 (февраль 1922 г.): Издание ВЦИК. Москва, 1922.
29. Токарева С.Н. Социальная политика в отношении служащих милиции в 1920–1930-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2.
30. Токарева С.Н. Милиция Черноземного центра России в начале 1920-х годов: характеристика кадрового состава // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 2.
31. Токмаков И.В. Становление и деятельность органов советской милиции 1917–1930 годов: На материалах Центрального Черноземья : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003.
32. Уваров И.А. Развитие организационно-правовых основ финансового и материального обеспечения российской милиции (1917–1931 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1993.

References

1. Aleksanyan, N.A. (2015) Stanovlenie i deyatel'nost' sovetskoj militsii Voronezhskoi gubernii v gody Grazhdanskoi voiny (1917–1922) [Formation and activity of the Soviet militia of the Voronezh Province during the Civil War (1917–1922)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 11 (61), part. II. (in Russian)
2. Alekseev, V., Komarov, A. (1931) *Grazhdanskaya voina v TsChO: Dokumenty i materialy. T. 1: 1918–1919* [Civil War in the Central Military District : Documents and materials. Vol. 1: 1918–1919]. Voronezh. (in Russian)
3. «Antonovshchina». *Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoi oblasti v 1920–1921 gg.: do-kumenty, materialy, vospominaniya* (2007) ["Antonovshchina". Peasant uprising in the Tambov region in 1920–1921: documents, materials, memoirs]. Tambov. 800 p. (in Russian)
4. Vlasov, V. (1929) Organizatsionnoe postroenie mestnykh administrativnykh organov [Organizational structure of local administrative bodies]. *Administrativnyi vestnik*. (6-7). (in Russian)
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti* [State archive of the Voronezh region]. F. R-4. Op. 1. D. 310.
6. Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Voronezhskoi oblasti [State archive of socio-political history of the Voronezh region] (dalee – GAOPI VO). F. 1. Op. 1. D. 126.
7. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 345.
8. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 451.
9. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 452.
10. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 462.
11. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 507.
12. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 565.

13. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 610.
14. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 681.
15. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 706.
16. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 908.
17. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 1153.
18. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 1576.
19. GAOPI VO. F. 2. Op. 1. D. 747.
20. Zaitsev, P. (1925) Novyi kurs v administrativnoi rabote i material'naya baza [New course in administrative work and material base]. *Administrativnyi vestnik*. (7). (in Russian)
21. Znamenskii, E.V. (1925) Ucheba militsii v Tambovskoi gubernii [Police training in Tambov province]. *Administrativnyi vestnik*. (11). (in Russian)
22. Karpachev, M.D. (2012) Pravosoznanie krest'yan Voronezhskoi gubernii nakanune stolypinskiikh agrarnykh reform [The legal consciousness of the peasants of the Voronezh province on the eve of Stolypin agrarian reforms]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*. (1). (in Russian)
23. Kiselev, I.F. (1929) Voprosy podgotovki na soveshchani nacheal'nikov admotdelov kraioi-lispolkomov. Struktura v gorodakh [Questions of preparation at the meeting of heads of administrative departments of regional executive committees. Structure in cities]. *Administrativnyi vestnik*. (6-7). (in Russian)
24. O shtatakh Militsii i Ugolrozyska (1925) [About the Police and Criminal Investigation Department]. *Administrativnyi vestnik*. (11). (in Russian)
25. Mazurov, A. (1929) Chistka militsii i rozyska [Police and Criminal Investigation Department purge]. *Kommuna*. 101 (2840). 3 maya. (in Russian)
26. Makeev, M.K. (1925) Ob uluchshenii uslovii raboty administrativnogo apparata [On improving the working conditions of the administrative apparatus]. *Administrativnyi vestnik*. (12). (in Russian)
27. Peregudov, A.V. (2017) Uezdnyia politseiskaya strazha Voronezhskoi gubernii, formirovanie i vzaimodeistvie s zhandarmским управлениem [The District Police Guard of the Voronezh Province, formation and interaction with the gendarmerie department]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. (1). (in Russian)
28. *Postanovleniya i rasporyazheniya Vserossiiskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta IX sozyva i ego Prezidiuma*. Sbornik № 2 (fevral' 1922 g.): Izdanie VTsIK [Resolutions and orders of the All-Russian Central Executive Committee of the IX convocation and its Presidium. Collection No. 2 (February 1922)]. Moscow, 1922. (in Russian)
29. Tokareva, S.N. (2018) Sotsial'naya politika v otnoshenii sluzhashchikh militsii v 1920–1930-e gg. [Social policy towards police officers in the 1920s and 1930s.]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. (2). (in Russian)
30. Tokareva, S.N. (2013) Militsiya Chernozemnogo tsentra Rossii v nachale 1920-kh godov: kharakteristika kadrovogo sostava [Militia of the Chernozem center of Russia in the early 1920s: characteristics of the personnel]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. (2). (in Russian) (in Russian)
31. Tokmakov, I.V. (2003) *Stanovlenie i deyatel'nost' organov sovetskoi militsii 1917–1930 godov: Na materialakh Tsentral'nogo Chernozem'ya*. Diss. kand. ist. nauk [Formation and activity of the Soviet militia bodies of 1917–1930: Based on the materials of the Central Chernozem region. Cand. histor. sci. diss.]. Kursk. (in Russian)
32. Uvarov, I.A. (1993) *Razvitie organizatsionno-pravovykh osnov finansovogo i material'nogo obespecheniya rossiiskoi militsii (1917–1931 gg.)*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Development of organizational and legal foundations of financial and material support of the Russian militia (1917–1931). Cand. law sci. diss. abstr.]. Moscow. (in Russian)

Поступила в редакцию 13.11.2022

Подписана в печать 26.12.2022

Original article
UDC351.741:’’1920-1930’’
DOI 10.47438/2309-7078_2022_4_180

**ON THE QUESTION OF THE SOCIO-CULTURAL IMAGE
OF THE SOVIET POLICEMAN OF THE 1920S**

Evgeny A. Zverkov¹, Alexander V. Perepelitsyn²

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*¹
Voronezh, Russia
*Voronezh State Pedagogical University*²
Voronezh, Russia

---

¹*Cand. Histor. Sci., Docent of the Department of Social, Humanitarian, Law and Economical Disciplines,
Philosophy, Sociology and History,*

ORCID ID: 0000-0002-1828-4457, tel.: (473) 200-53-05, e-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

²*Dr. Histor. Sci., Professor, Head of the Department of Russian History,*

ORCID ID: 0000-0003-2050-4209, tel.: (473) 255-06-67, e-mail: avp64@mail.ru

---

Abstract. The safety of society directly depends on the qualifications and motivation of law enforcement officers to work. The effectiveness of law enforcement forces depends on a number of variables: the level of material and technical security, support from the State, the creation of conditions for the possibility of direct fulfillment by employees of their professional duties. In the state system of Soviet Russia, the police took secondary importance. Total savings had an impact on the technical capabilities of the service, a limited number of vehicles, insufficient quality and quantity of weapons, uniforms. Being on the verge of poverty demoralized employees, which affected the exorbitant level of personnel instability: the most capable employees were looking for themselves in other areas, and the least stable – in crime. The desire of the authorities to solve the problem with dismissals, assignment of additional responsibilities and the growth of regulatory documentation not only did not solve the problem, but also brought the internal affairs bodies to a catastrophe.

Key words: militia, criminal investigation, Voronezh, Kursk, Tambov, Central Black Earth region.

Cite as: Zverkov, E.A., Perepelitsyn, A.V. (2022) On the question of the socio-cultural image of the Soviet policeman of the 1920s. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (4), 180–188. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2022_4_180.

Received 13.11.2022

Accepted 26.12.2022